

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-403-417>

Научная статья / Research article

Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани)

Ю.А. Яхутль, В.В. Касьянов

Кубанский государственный университет; 350040, Россия, Краснодар,
ул. Ставропольская, 149; a075ca@yandex.ru, culture@kubsu.ru

The “Facing the Village” Policy as a Manifestation of NEP Contradictions in 1924–1926 (Based on Don and Kuban Materials)

Yuri A. Yakhutl'a, Valery V. Kasyanova

Kuban State University; 149, Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russia;
a075ca@yandex.ru, culture@kubsu.ru

Аннотация: В статье анализируется один из аспектов новой экономической политики, вызванный поиском компромисса между партийно-государственной властью и российским крестьянством. Данный курс рассматривается на примере крупных аграрных регионов страны – Дона и Кубани. С привлечением новых архивных документов и опубликованных источников авторы раскрывают причинно-следственные связи между преобразованиями и изменением статуса местных Советов в стране и в южном регионе, в частности, показывают воздействие реформ на экономическое положение и политическое поведение крестьянства Юга России. Авторы выделяют особенности реализации курса «Лицом к деревне» на Дону и Кубани, которые заключались в сочетании классовых и сословных задач гражданского примирения, замедленных темпах землеустройства при сохранении казачьих наделов, процессах активного привлечения казаков и середняцких слоев в кооперацию и Советы и др. Показано, как отказ от административного нажима в ходе избирательной кампании и предоставление права голоса части «лишенцев» привели в 1925–1926 гг. к победе на выборах казачьей оппозиции в ряде местных Советов и земельных обществ, вследствие чего возникло двоевластие в лице сельсоветов и партийных комитетов. Авторы приходят к выводу, что реформы периода НЭПа на Юге России фактически закрепили деление сельского населения на казачество и «иногородних», что противоречило целям социалистического строительства в деревне и создавало для большевиков угрозу потери контроля над местными органами власти и поддержки со стороны бедняков и «иногородних». В результате именно на Юге России отказ от курса «Лицом к деревне» был проведен большевиками значительно раньше и с большей решительностью, чем в целом по стране.

Ключевые слова: НЭП, большевики, казачья оппозиция, курс «Лицом к деревне», крестьянство, Юг России, Дон, Кубань

Для цитирования: Яхутль Ю.А., Касьянов В.В. Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 403–417. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-403-417>

Abstract: The authors analyze one of the aspects of the New Economic Policy (NEP), which meant finding a compromise between the Bolshevik party-state power and the Russian peasantry. This policy course is studied with the example of the large agricultural regions of the Don and Kuban. Using new archival documents and published sources, the authors reveal causal relationships between trans-

formations and changes in the status of local Soviets on national level and in the southern region, and show the impact of reforms on the economic situation and political behavior of the peasantry in the South of Russia. The authors highlight the features of the implementation of the “Face to the Village” policy in the Don and Kuban, which combined class and estate tasks of civil reconciliation, a slower pace of land management while maintaining Cossack allotments, and an active attracting of Cossacks and middle peasants to cooperations and Soviets, among other things. The refusal to use administrative pressure and the provision of the voting right to “deprived people” (lishentsy) during the election campaign led to the victory of the Cossack opposition in a number of local Soviets and land societies in 1925–1926. The result was a dual power situation in which village councils (sel'skie sovety) stood opposite to party committees. The reforms of the NEP period in southern Russia brought well-to-do strata of the population the right to participate in cooperations and local authorities (Soviets); they also led to the introduction of long-term leasing of land, separated farmers from the peasant community, and started the elimination of the traditional land use order. Reforms consolidated the division of the rural population into Cossacks and “nonresidents”, which contradicted the goals of socialist construction in the countryside; the Bolsheviks saw themselves threatened by a loss of control over local authorities, and by a loss of support from the poor and “nonresidents”. As a result, in the south of Russia the Bolsheviks rejected the “Face to the Village” policy course much earlier and with more decisiveness than in the country as a whole.

Keywords: NEP, Bolsheviks, Cossack opposition, “Face to village” course, peasantry, the South of Russia, Don, Kuban

For citation: Yakhtul't, Yuri A., and Kasyanov, Valery V. “The “Facing the Village” Policy as a Manifestation of NEP Contradictions in 1924–1926 (Based on Don and Kuban Materials).” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 403–417. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-403-417>

Введение

На современном этапе Россия решает сложные экономические и социальные задачи модернизации, и именно поэтому большой интерес представляет обращение к опыту новой экономической политики 1920-х гг., в том числе в аграрной сфере. Новая экономическая политика актуальна в качестве стратегии развития, которая потребовала обеспечения гражданского согласия и компромисса социально-классовых интересов, учета многоукладности экономики. Исторический опыт нэпа помогает лучше понять задачи и условия современных реформ в нашей стране¹. Тема анализируется на примере крупных зерновых регионов России – Дона и Кубани, показательных для выявления хода реформ в аграрных сообществах.

Завершение полномасштабной Гражданской войны в 1920 г. не означало окончательного закрепления власти РКП(б). Новый этап противостояния – малая гражданская война 1921–1923 г. – продемонстрировала наличие устойчивых противоречий в общественно-политической жизни страны, разрешение которых возможно либо посредством жестких репрессий либо путем реформ. Правящая партия вынуждена была прибегнуть к первому варианту, объективно оценивая свои возможности. Советская деревня испытывала действие противоречивых тенденций: с одной стороны, желая сохранить традиции административного регулирования, а с другой, развивать рыночные реформы. Проблема восстановительного этапа состояла в том, что желание выходить на новый уровень хозяйственной деятельности и занимать активную общественную позицию проявлял не союзник большевиков в деревне, а явный оппонент в лице активного, зажиточного крестьянина или казака. Поэтому курс реформ середины 1920-х гг. содержал в себе комплекс мер, направленных на решение крестьянского и казачьего вопроса. Необходимость преодолеть враждебность и недоверие казачества к власти в ходе новой политики большевиков в деревне приобрела особую актуальность².

¹ *Мау В.А.* Государство и экономика: опыт экономических реформ. М., 2017. С. 14.

² *Тикиджьян Р.Г.* Политика Советского государства «Лицом к деревне» и проблемы взаимоотношений казачества и иногороднего населения Дона в 1920-е годы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3. С. 46.

В данной статье анализируются причины, приведшие к курсу «Лицом к деревне», последствия его реализации и влияние на развитие южнороссийской станицы 1920-х гг. Провозглашение нового курса было проявлением как внутривластной борьбы за власть и поиска поддержки со стороны крестьянства, так и результатом сложных социальных процессов, происходивших внутри самого крестьянства.

В исследовании применяется синхронный и диахронный сравнительный анализ социальных и политических последствий реформ периода 1924–1926 гг. Новизна исследования заключается в изучении причинно-следственных связей, приведших к началу реформ, нового статуса Советов как органов местного самоуправления. Авторы впервые вводят в научный оборот документы из фондов Центров документации новейшей истории Ростовской области и Краснодарского края, Государственных архивов Ростовской области и Краснодарского края.

К оценке политики «Лицом к деревне» и ее влияния на результаты реформ обращались многие историки, начиная с 1920-х гг. В период нэпа были изданы публикации Н.Л. Янчевского, М. Донецкого, И.А. Гольдентула, Г.В. Ладохи, П. Горюнова³, которые сочетали черты партийной публицистики и научного анализа. В них содержатся ценные сведения о ходе реформ в деревне, социальном расслоении, политических настроениях земледельцев. В 1930–1950-х гг. исследования истории взаимодействия власти и крестьянства периода нэпа на Юге СССР практически прекратились, о них лишь бегло упоминали в связи с предпосылками коллективизации. Было невозможно и объективное изучение вариантов аграрной политики нэпа, связанной с именами многих репрессированных политиков и ученых. Нэп истолковывался в качестве подготовительного этапа строительства социализма, с фатальной неизбежностью переросшего в коллективизацию. Постепенное возобновление изучения темы наблюдается в 1960–1980-е гг., когда появляются фундаментальные и новаторские работы В.П. Данилова об экономике и социальной стратификации крестьянства в период нэпа⁴, а также монографии И.Я. Трифонова и В.А. Кукушкина, освещавшие развитие политических процессов и конфликтов в доколхозной деревне⁵. Региональный ракурс аграрных реформ нэпа на Дону и Кубани глубоко освещали Е.Н. Осколков, Я.А. Перехов, П.Г. Чернопицкий, В.Е., И.В. Устиновский⁶. Вместе с тем советские историки работали в жестких цензурных рамках и лишены были возможности цитировать многие важные документы. Так, проблематика политических настроений казачества начала обстоятельно изучаться только с начала 1980-х гг.

Мы акцентируем внимание на постсоветском периоде историографии, для которого характерна объективная оценка событий и отсутствие идеологических ограничений, повлиявших на выводы исследований предшествующего периода. Эти рабо-

³ Янчевский Н.Л. Как живет и чем болеет деревня (По материалам комиссии по обследованию деревни на Юго-Востоке). М., 1924; Донецкий М. Донское казачество (Историко-публицистические очерки). Ростов н/Д., 1926; Гольдентул И.А. Земельные отношения на Кубани: Краткий очерк. Краснодар, 1924; Ладоха Г.В. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923; Горюнов П. О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Новочеркасск, 1925.

⁴ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

⁵ Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Часть 2. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией (1921–1925 гг.). Л., 1969; Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М., 1968.

⁶ Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (Очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств). Ростов н/Д., 1973; Перехов Я.А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.). Ростов н/Д., 1966; Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д., 1987; Устиновский И.В. Ленинская аграрная программа и ее осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917–1927 гг.). Ростов н/Д., 1989.

ты позволяют переосмыслить ключевые вопросы истории нэпа⁷. В постсоветский период возрос также интерес исследователей к истории южнороссийской станицы, социально-экономической и политической истории казачества Юга России. Исследователи оценивают период острого противостояния большевистской партии и крестьянства (1921–1924 гг.) как результат неразрешенных экономических и политических проблем, итог серьезного имущественного расслоения крестьянско-казачьего сообщества. Особое место в исследованиях отведено курсу «Лицом к деревне» или, как ее иногда именовали на Юге страны, «Лицом к казачеству»⁸. Историки изучают проблемы взаимоотношений между казачеством и большевиками при избрании и функционировании местных органов власти. Современные исследователи, в частности, А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян, отмечают осуждение казачеством политики РКП(б) в вопросах местного самоуправления, направленной на разрушение традиций, норм самоуправления и насаждение советского порядка и общественных отношений⁹.

Таким образом, историография темы многоаспектна и активно развивается. Вместе с тем остаются дискуссионными вопросы принятия властных решений, региональной специфики политических настроений и форм активности земледельцев Дона и Кубани в 1924–1926 гг.

Источниковой основой исследования послужили документы партийных, советских, хозяйственных органов, информационные сводки и обзоры 1920-х гг., хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве Ростовской области и Государственном архиве Краснодарского края. Документы партийных и советских органов власти этого периода качественно отличаются от документов начального этапа проведения реформ. В этих документах прослеживается внутривластная борьба за власть и выбор тактики и стратегии реформ, объективная оценка экономического состояния страны, социально-экономические и политические процессы в российской деревне, промежуточные итоги реформ. Следует обратить внимание на то, что в документах центральных и региональных органов власти отмечается единство проводимой политики, исчезают «местнические» элементы в выступлениях региональных руководителей. В Российском государственном архиве социально-политической истории представлены документы ЦК партии, решения пленумов, сводные информационные данные спецслужб, обращения граждан в ЦК и др., позволяющие проанализировать ход реформ в стране и особенности развития регионов в 1920-х гг. В архивах Ростовской области (Государственный архив Ростовской области) и Краснодарского края (Государственный архив Краснодарско-

⁷ Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. М., 1998; Венер М. Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 86–107; Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Постереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997; Кужба О.А. Местные органы власти в 1925–1927 годах // НЭП: Завершающая стадия. М., 1998. С. 160–172.

⁸ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д., 1997; Воскобойников Г.Л., Батырев В.Д. Советская власть и казачество (1921 – июнь 1941 гг.). М., 2003; Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов н/Д., 2005; Баранов А.В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. № 3. С. 55–62; Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. СПб., 1996; Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 112–125; Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014.

⁹ Скорик А.П. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010; Скорик А.П. Казаки Юга России и советская власть в 1917–1929 гг.: взаимоотношения в преддверии «великого перелома». Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д., 2010.

го края, Центр документации новейшей истории Краснодарского края) сосредоточены материалы о результатах реформ на региональном уровне.

Хронологические рамки темы определены политическими решениями правившей большевистской партии. На пленуме ЦК РКП(б) 25–27 октября 1924 г. был рассмотрен вопрос об изменении содержания проводимой политики по отношению к крестьянству, что позволяло утверждать о начале нового этапа компромиссных соглашений, которые были в последующем свернуты в соответствии с решениями Оргбюро ЦК ВКП(б) 29 марта 1926 г. Данное решение стало основанием для прекращения реформ и перехода к жесткому государственному регулированию в экономической и политической жизни страны.

События 1924 г. были предопределены предшествующим периодом реформ: в 1921 г. была решена продовольственная проблема, но не базовые проблемы аграрного сектора экономики; в 1922 г. Земельный кодекс упорядочил земельные отношения, но не раскрепостил их. В этих условиях продовольственный налог не способствовал развитию индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства и препятствовал накоплению средств для расширенного воспроизводства. Решение правительства о расширении гражданских прав и рыночных отношений было воспринято крестьянством и казачеством с большим энтузиазмом, так как увеличивало их представительство в Советах, способных защитить интересы крестьян и казаков. Однако и в этих реформах была двойственность, присущая идеологическим принципам большевиков, заключающаяся в расширении полномочий Советов и участия бывших «лишенцев» в выборах, с одной стороны, а с другой, в наличии конституционных норм, устанавливавших и регулировавших многоступенчатость и непропорциональное представительство крестьян в органах власти. Реформы не разрешили проблемы взаимоотношений между земледельческой общиной – сходом и Советами как органами местного самоуправления. Переход от восстановительного роста к модернизации общества стал главной задачей партийно-государственной политики середины 1920-х гг. и темой ожесточенной политической борьбы.

Противоречия новой экономической политики в 1921–1924 гг. и предпосылки курса «Лицом к деревне»

Для большевиков крестьянский вопрос при всей его сложности и противоречивости оставался одним из приоритетных, так как был связан с продовольственной политикой и планами индустриализации.

На первом этапе восстановительного процесса (1921–1923 гг.) в экономике страны возродились рыночные отношения, которые позволили вызвать интерес крестьянства и казачества к хозяйственной деятельности. Реформы сопровождались изданием большого количества законодательных актов, которые регулировали содержание нэпа. Но отсутствие политического плюрализма в ходе обсуждения и принятия законов позволяло большевикам сохранять идеологические принципы, которые в последующем спровоцировали кризис 1923 г. Несоответствие между рыночной экономикой и политическим режимом провоцировало особое недовольство в казачьих регионах, где земельный вопрос оставался одним из приоритетных. Большевики реализовывали свою земельную политику на классовых принципах, в интересах беднейшей части «иногогородних» крестьян. Сословные отношения большевики игнорировали в силу своих классовых и идеологических принципов.

На различных этапах новой экономической политики отношение казаков и крестьян к советской власти менялось в зависимости от проводимой ею продовольственной (продналог) и земельной политики и расстановки сил в ходе выборов в Советы и возможности сохранить общинные формы самоуправления (сходы). Ста-

билизация политической обстановки как в стране, так и на Кубани и Дону способствовала восстановительному процессу индивидуального казачьего хозяйства. При этом сохранялись сословная вражда, нарастало социальное противостояние как результат землеустроительных работ и налоговой политики в деревне, которая представляла льготы беднейшей части крестьян. На начальном этапе возрождения рыночных отношений, когда по-прежнему активно применялись методы «военного коммунизма», наблюдалась упорная борьба крестьян и казаков за свои права. Крестьянское и казачье повстанческое движение, в начале 1920-х гг. ставшее одним из факторов перехода к нэпу, было насильственно подавлено, но оно трансформировалось в латентное сопротивление. Экономические возможности восстанавливаемых хозяйств хлеборобов нивелировались отсутствием политических инструментов их воздействия на органы управления.

Нарастание сопротивления со стороны крестьянства и казачества к середине 1920-х гг. приобретало форму открытого политического противоборства, требовавшего принятия превентивных мер экономического и политического характера. Восстание крестьян в Грузии (август 1924 г.) стало очередным проявлением несогласия с проводимой политикой большевиков. Доктрина «диктатуры пролетариата» не отвечала интересам хлеборобов, что негативно сказывалось и на экономических перспективах государства, ориентированных на экспорт зерна как средства модернизации. Политический аспект проявился в бойкоте крестьян выборов в Советы осенью 1924 г., что потребовало принятия превентивных мер, способных предотвратить события, аналогичные волне крестьянских мятежей 1921–1923 гг. События периода «расширения» нэпа (1924–1926 гг.) свидетельствовали о потенциале крестьянско-казачьего сообщества, возможности рыночной эволюции общественных отношений. Именно на Юге России наличие вариативности в 1924–1926 гг. проявилось с наибольшей силой, здесь сословные противоречия перешли в плоскость социального противостояния из-за роста имущественного неравенства. Правящая партия понимала необходимость вовлечения массы крестьянства и казачества в активную общественно-политическую деятельность, но боялась ее мелкобуржуазности и остро реагировала на особенности казачьих областей, требуя «осторожного» обращения «к местному населению»¹⁰. Нэп провоцировал возрастание политической активности хлеборобов. Правящей партии необходимо было эту активность направить на укрепление своего влияния в крестьянско-казачьей среде. Административное доминирование большевиков противоречило законам рыночной экономики, что приводило к формированию системных кризисов. Восстановительный «эффект», исчерпанный к 1925 г., в особенности – в сельском хозяйстве, не мог не сказаться на содержании экономических реформ. Дальнейшее развитие требовало создания политико-правовых гарантий и для индивидуального крестьянского хозяйства, и для городских нэпманов.

Нужны были экономические и политические компромиссы во взаимоотношениях государства и крестьянства. По мнению С.В. Цакунова, курс «Лицом к деревне» носил чисто политический характер и его основной целью было предотвращение раскола между рабочим классом и крестьянством и самостоятельного формирования «крестьянских союзов»¹¹. Однако, на наш взгляд, новый этап реформ был обусловлен последствиями экономического возрождения крестьянско-казачьего хозяйства, которому следовало гарантировать как экономическую, так и политическую стабильность в рамках законодательства и политической системы.

¹⁰ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 6.

¹¹ Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994. С. 119.

Выбор в пользу «расширения» нэпа стал последствием борьбы группировок внутри партии за политическое лидерство (И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева против группировки Л.Д. Троцкого) и неблагоприятной конъюнктуры на внутреннем рынке (кризис сбыта лета – осени 1923 г.). Возможность строительства социалистического общества в изолированной стране приобретала черты реальности. Но нерешенным оставался вопрос о смысле реформ сельского хозяйства и его управляемости, темпах восстановления¹². Восстановительный процесс сельского хозяйства шел интенсивно до середины 1920-х гг., но потенциал индивидуальных крестьянских хозяйств был исчерпан, в результате их дальнейший прогресс без государственной помощи был невозможен. В условиях нэпа без значительных иностранных инвестиций возрождение России было бы обречено на очень медленные темпы¹³. Летом и осенью 1924 г. умеренная часть руководства партии настояла на либерализации внутренней политики, и она касалась как экономических вопросов, так и политической жизни. Именно местные Советы стали объектом реформ, поскольку они считались способными «впитать» энергию крестьянско-казахской массы. Советы были привлекательны для хлеборобов формами выборов, они напоминали привычные сельские сходы и методы общинного самоуправления. Советы обладали административными функциями с задачами сбора налогов и выполнения распоряжений вышестоящих органов. Негласно в ведении схода оставались вопросы экономической жизни хлеборобов, в том числе перераспределение земли. В соперничестве с Советами неформальное лидерство оставалось за сходами, так как большинство вопросов Советы согласовывали с ними. В казахских регионах сохранялись традиции станичного схода, которые противопоставлялись сельским Советам, при том, что в сельских сходах без каких-либо ограничений принимали участие зажиточные и кулацкие слои, имевшие конституционные ограничения по выборам в Советы, т.н. «лишенцы». Такое двоевластие формировало основу для противостояния большевиков и их первичных партийных ячеек с середняцкой и зажиточной частью крестьян и казаков. Земельные общества являлись реальной властью, в отличие от сельсоветов и исполкомов, дублировавших решения земельных обществ¹⁴.

Дальнейший ход реформ в структуре многоукладной экономики требовал защиты собственности и гражданских прав и возможности политического плюрализма¹⁵. Власть вынуждена была делать выбор между претензиями крестьян на экономическую свободу, реализацию их политических амбиций и опасностью столкнуться с продовольственной проблемой и нарастающим накоплением недовольства основной массы крестьян и казаков. Правящая партия пошла на уступки и предложила комплекс масштабных мер экономической политики.

Осуществление курса «Лицом к деревне» на Дону и Кубани: достижения и проблемы

Реализация нового курса партии на Дону и Кубани имела свои особенности, связанные с остаточными явлениями Гражданской войны, сохранявшимися сословными и нарастающими земельными противоречиями. Особенно это проявилось в

¹² Каменев Л. Положение в стране и в партии. Доклад и заключительное слово на общем собрании Замоскворецкого района 6.12.1923 г. М., 1923. С. 5.

¹³ Дэй Р.Б. Лев Троцкий и политика экономической изоляции. М., 2013. С. 173.

¹⁴ Кондратьев Ю.В. Волостные реформы середины 1920-х годов (по материалам Калужской губернии) // Материалы Международной научной конференции «Общество и власть в Императорской России, СССР и современной Российской Федерации». М., 2018. С. 203.

¹⁵ Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казахского Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 115.

ходе землеустроительных работ¹⁶. Казаки продолжали сохранять уверенность в своем особом статусе. Они боролись за свои земельные привилегии и формы самоуправления, активно саботируя мероприятия советской власти¹⁷. Партийные органы вынуждены были признавать наличие стихийного крестьянского движения в вопросах землеустройства¹⁸. Они утверждали, что некоторые земельные общества Дона и Кубани вопреки партийным директивам и Земельному кодексу РСФСР под видом временного распределения земли проводили землеустроительные работы с целью сокрытия излишков земли и в интересах зажиточной части хлеборобов¹⁹.

К середине 1920-х гг. нарастало не только экономическое давление со стороны крестьян и казаков, проявлявшееся в различных формах саботирования и сопротивления, но и политическое, которое было неприемлемым для РКП(б) как центра принятия политических решений, не желавшего с кем-то либо делить властные полномочия. Активными участниками движения были зажиточные и середняцкие слои, воспринимавшие реформы как политическую уступку советской власти и выступавшие с лозунгом «Советы без коммунистов»²⁰. На Дону активность проявляли бывшие офицеры Белой армии, пытавшиеся сорвать выборные собрания и требовавшие восстановления избирательных прав²¹. Их политические заявления были не столь радикальными, но выходили за рамки устоявшихся идеологических установок партии, в частности, требования создания «Союза хлеборобов», сокращения лиц, лишенных избирательных прав, расширения демократических свобод в ходе выборных кампаний в Советы.

Апогеем противостояния стал абсентеизм во время выборной кампании осенью 1924 г. На активность казачества в ходе выборов негативно влиял и тот факт, что по традиции в них принимали участие лишь главы семей. Негативное отношение хлеборобов Юга России к выборной кампании в Советы проявлялось не только в 1924 г. Уже первые выборы в станицах Дона и Кубани демонстрировали неприятие политики РКП(б). Это была естественная реакция казачества на потери своих традиционных прав самоуправления и форм землепользования. Такое уклонение от выборов стало традиционным в первой половине 1920-х гг., но его развитие могло привести к открытому противостоянию и затруднению хода реформ и в целом всего комплекса мероприятий, проводимых правительством в рассматриваемый период.

Решение Президиума ЦИК СССР (29 декабря 1924 г.) об отмене итогов выборов и проведении повторной избирательной кампании стало отправной точкой поиска компромисса между властью и обществом. Выборы прошли в 49 губерниях, в результате чего были переизбраны депутаты 70 % сельских Советов. Выборная кампания прошла в два этапа (сентябрь – декабрь 1924 г. и январь – апрель 1925 г.). Процент лишенных избирательных прав был снижен с 1,6 % до 1,3 %. По итогам выборной кампании количество сельских депутатов выросло до 700 тыс. чел. против 200 тыс. в 1923 г.²² Продолжение политики демократизации в деятельности Советов и выборных кампаний нашло отражение в решениях апрельского (1925 г.) пленума ЦК и XIV Всесоюзной партийной конференции. В октябре 1926 г. ВЦИК РСФСР утвердил новое Положение о сельских Советах. Данное решение серьезно повысило полномочия местных Советов в решении экономических и социальных вопросов

¹⁶ ЦДНИ КК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 25. Л. 7.

¹⁷ Государственный архив Ростовской области (далее – ГА РО). Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 567. Л. 9.

¹⁸ ЦДНИ КК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

¹⁹ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГА КК). Ф. Р. 587. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГА СПИ). Ф. 17. Оп. 86. Д. 916. Л. 66.

²¹ ГА РО. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 250. Л. 29.

²² Кукушкин Ю.С. Сельские Советы... С. 119–120.

местного характера²³. Изменения продолжались в соответствии с решениями Пленума ЦК 25–27 октября 1924 г., который подтвердил основные идеи XIII съезда партии о работе в деревне по оживлению Советов. Принятые решения коснулись и экономической составляющей реформ.

В 1924 г. в сельских Советах казачество составляло до 28 % депутатов, а в ходе весенних выборов в 1925 г. этот показатель достиг 48,1 % (по итогам выборов в Северо-Кавказском крае). Увеличилось также число казаков, выдвинутых на руководящие должности в низовых структурах сельских Советов, что вызывало откровенное недовольство со стороны иногородних и беднейшей части станицы²⁴. 26 января 1925 г. Северо-Кавказский крайисполком обратился в Президиум ВЦИК РСФСР с предложением амнистировать бывших участников белого движения и восстановить в конституционных правах часть «лишенцев». На местах были предприняты меры по реализации курса «Лицом к деревне»: созданы комиссии по реабилитации, бывших «лишенцев» включили в избирательные комиссии и запретили безальтернативные списки кандидатов в депутаты²⁵. Политическая линия реформ получила свое отражение в постановлении крайисполкома № 111 от 26 августа 1925 г. «О работе Советов в бывших казачьих областях Северо-Кавказского края». Власть шла на сотрудничество с народом, активно привлекая казачество к управленческим функциям. Выборы в Советы предлагалось проводить на условиях гарантии свободы, отсутствия административного давления, расширения круга избирателей за счет отдельных групп населения. Советская избирательная система не отказалась от многоступенчатости выборов для хлеборобов, сохраняя прямые выборы только в низовых Советах²⁶. Но при наличии таких ограничений в 1924–1926 гг. формируются социально-политические и экономические основания вовлечения большинства хлеборобов в советское строительство. 13 апреля 1925 г. Кубанский окружной комитет РКП(б) в отчетном докладе на заседании Оргбюро и комиссии ЦК РКП(б) по работе в деревне уверенно излагал меры политики «Лицом к деревне», состоявшие в сотрудничестве с казачеством через советские и партийные органы, вовлечении широких масс казачества на путь развития и улучшения индивидуального хозяйства, отказа от прежних силовых методов работы²⁷.

В этот период казаки проявляли наибольший интерес к беспартийным конференциям и собраниям, требуя создания крестьянских союзов. Секретарь Кубанского окружкома РКП(б) С.Ф. Баранов признавал, что крестьянство осознало себя, пытается создать собственные, не подконтрольные партии организации; и положение было настолько серьезным, что этому явлению должно было быть уделено особое внимание²⁸. По мере развития курса «Лицом к деревне» требования зажиточной части крестьянства и казачества возрастали. В них открыто говорилось о неудовлетворительной работе местных органов власти, игнорировавших их интересы, звучали обвинения партийных ячеек в том, что те «часто командуют». Активно поднимался вопрос о создании крестьянских союзов и созыве крестьянского съезда²⁹.

Результаты реформ стали предметом обсуждения на Пленуме ЦК (23–30 апреля 1925 г.) и XIV Всероссийской конференции РКП(б). В резолюции пленума на

²³ «Положение о сельских советах». Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства от 5 декабря 1924. № 82.

²⁴ ЦДНИ КК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 152. Л. 5, 6, 39.

²⁵ ГА РО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 225. Л. 3, 4, 6.

²⁶ Саламатова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936). Новосибирск, 2016. С. 33.

²⁷ ЦДНИ КК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 94. Л. 27.

²⁸ Там же. Д. 35. Л. 23.

²⁹ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 916. Л. 10, 12.

тему «Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни» признавалась необходимость устранения административных препятствий, тормозящих рост и укрепление крестьянских хозяйств (в том числе его зажиточных слоев) и законных (особенно экономических) мер борьбы против кулачества. Было принято решение о разрешении права аренды земли на 12 лет, выеления крестьянских хозяйств из общины на хутора, узаконен найм на работу батраков³⁰. В резолюции пленума «О казачестве» отражены наиболее проблемные вопросы взаимоотношения казачества и власти, в частности, вопросы активизации деятельности Советов и восстановления избирательных прав казачества, вовлечения его представителей в аппарат местных советских органов, что должно было стать основой привлечения казачества к социалистическому строительству³¹.

Само казачество проводимую политику в отношении выборов и участия в работе Советов продолжало воспринимать как проявление слабости большевиков. В кубанских станицах были зафиксированы факты убийства советских, партийных и комсомольских работников, нападения на армейские склады. Зажиточные слои станиц требовали возврата земельных наделов, переданных иногородним и красноармейцам.

Оценивая ситуацию в Северо-Кавказском крае, А.И. Микоян признавал, что к середине 1920-х гг. произошло общее укрепление сельского хозяйства «по линии усиления индивидуального хозяйства»; наметилось серьезное социальное расслоение среди крестьянско-казачьих хозяйств «в сторону мощности крупных хозяйств и середняцких при сокращении маломощных». Средняцкие слои, как отмечал А.И. Микоян, по-прежнему выжидают, но уже «склоняются к Советам и партии»; в то же время сословные противоречия сохранялись и серьезно обострялись в ходе проведения землеустроительных работ, а многие конфликты «доходили до избиения»³². Эти факты противоречиво воспринимались как региональным, так и центральными органами власти.

По мере реализации реформ члены высшего руководства партии приходили к пониманию необходимости смены курса, поскольку реформы создавали не только угрозу существованию монополии политической власти РКП(б), но и единству первичных партийных структур, членов партии, которые были подвержены негативным социальным воздействиям³³. Крестьяне и казаки, в основном беднейшая их часть и батраки, писали в ЦК партии, отмечая негативное восприятие результатов проводимой большевиками политики. Они жаловались на малоземелье и усиление влияния зажиточных слоев деревни как последствие проводимых реформ³⁴. Недовольство политикой большевиков демонстрировали также зажиточные и середняцкие слои. Казаки Донского округа откровенно высказывали недоверие существующей политической системе. Органы ОГПУ регистрировали явно враждебные высказывания: «Придет час и минуты, когда рванет сила могучая, сила казацкая»³⁵. В этих условиях большевики придерживались негласного политического неравноправия крестьянства и казачества, используя различные средства и методы – от нейтрализации до установления союзнических отношений³⁶.

³⁰ Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни. Резолюция пленума ЦК РКП(б) 23–30 апреля 1925 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. С. 341–342, 344.

³¹ Там же. С. 350–351.

³² ЦДНИ КК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 55. Л. 2, 3, 6.

³³ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 917. Л. 223–224.

³⁴ Там же. Оп. 85. Д. 2. Л. 8.

³⁵ Там же. Д. 19. Л. 297.

³⁶ Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000. С. 101.

Как известно, проблемы в хлебозаготовительной кампании послужили основанием для завершения реформ. Первый шаг был сделан на пленуме ЦК РКП(б) в октябре 1925 г., когда было принято решение о создании групп бедноты и восстановлении льгот для колхозов. Экономические основы для контрреформ были заложены, а политическое оформление они получили на очередном пленуме ЦК. Переломными стали решения, принятые на заседании Оргбюро ЦК 29 марта 1926 г.: был повышен сельскохозяйственный налог, проводились репрессии в отношении хозяйств, не уплативших налог, ужесточен курс в отношении кооперации³⁷. Резкое изменение вектора реформ объяснялось борьбой лидеров партии за власть, необходимостью выбрать стратегию модернизации. Как казалось партийным лидерам, нэп не оправдывал себя из-за низких темпов роста во всех отраслях экономики. Призывы Н.И. Бухарина изжить командные методы и переходить к методам убеждения с целью упрочения советской власти уже не находили поддержки членов Политбюро ЦК ВКП(б)³⁸.

По мере изменения политики коммунистов осенью 1926 г. в ответ стали активно звучать призывы казаков к самостоятельности и борьбе против «иногородних», красноармейцев³⁹. «Многие казаки заявляли: “Вон с нашей Кубани”. В казачьей среде распространялись слухи о возможной помощи из-за границы. Беднейшая часть казачества, крестьян, бывшие красноармейцы писали с возмущением в ЦК и краевые органы власти о присутствии в земельных комиссиях бывших активных участников белого движения, «бело-зеленых», зажиточных казаков, которые распределяли землю в пользу кулачества⁴⁰. На перевыборных собраниях большая часть казаков открыто выступала против советской власти, требуя ограничения ее полномочий и высказываясь за создание региональных казачьих органов власти, которым должны принадлежать полномочия по распределению земли⁴¹. Половинчатый характер проводимых реформ провоцировал обострение социальных противоречий в южно-российской деревне и станице. Крестьяне и казаки продолжали жаловаться на несправедливое налогообложение, дефицит промышленных товаров, низкие цены сельскохозяйственной продукции, нарушение гражданских прав, в том числе и по отношению к бедняцким слоям, рост советского бюрократизма, экономическое и отсюда политическое давление со стороны зажиточных слоев⁴².

Усиление авторитарных начал в политике большевиков послужило предпосылкой для свертывания экономических реформ. Политическое руководство СССР инициирует восстановление заградительных отрядов на транспорте, ужесточает политику ценообразования в хлебозаготовительной кампании. В политическом плане был сделан шаг назад – распущены комиссии по амнистиям. Данное решение нашло отражение в ходе подготовки и проведения выборной кампании. В Донском округе количество лишенных избирательных прав выросло с 27908 чел. до 30580 (1926–1927 гг.)⁴³. По итогам выборов в Советы 1925–1926 гг. в сравнении с выборной кампанией 1924–1925 гг. коммунисты в различных структурах были представлены следующим образом: в Советах в 1924 г. – 7 % коммунистов; 1925 г. – 3 %; 1926 г. – 6 %; в качестве председателей сельских Советов коммунисты составляли в 1924 г. – 22 %; 1925 г. – 55 %, 1926 г. – 66 %; среди членов Волисполкомов коммунистов было в 1924 г. – 55 %; 1925 г. – 28 %; 1926 г. – 47 %⁴⁴. Тенденция к увеличению и укреплению

³⁷ ГА РО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 497. Л. 41.

³⁸ Бухарин Н.И. *Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз*. М.; Л., 1927. С. 80–81.

³⁹ ГА РО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 572. Л. 1.

⁴⁰ ГА КК. Ф. Р. 371. Оп. 1. Д. 20. Л. 298.

⁴¹ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 63. Л. 9.

⁴² Там же. Оп. 85. Д. 281. Л. 43, 44.

⁴³ ГА РО. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 1386. Л. 6.

⁴⁴ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 19. Л. 78.

нию влияния депутатов-коммунистов в Советах различных уровней позволяло правящей партии диктовать курс политики с позиции силы.

Руководство страны предполагало в рамках курса «Лицом к деревне» увеличить прибыльность сельского хозяйства посредством легализации рыночного саморегулирования, в том числе различных форм добровольной кооперации⁴⁵, а также обеспечить законность проведения местных выборов и возможности легальной активности хлеборобов. Но реформы конца 1924 – начала 1926 г. угрожали разрушить монополию большевистской партии на власть, а также не давали ответа на вопрос об обеспечении модернизации. Как результат, руководство ВКП(б) отказывается от курса «Лицом к деревне». В начале 1926 г. утверждается новая инструкция о выборах в Советы. Одновременно принимаются решения, направленные на укрепление государственного регулирования в сфере экономики. По мере утверждения курса на сплошную коллективизацию ужесточалось и политическое давление на крестьянство и казачество со стороны правящей партии, чей контроль над обществом становился все более прочным⁴⁶. Приоритеты нэпа были разрушены, а вместе с этим были проигнорированы интересы середняцких и зажиточных слоев крестьян и казаков.

Выводы

Активные меры, предпринятые партийными структурами по разъяснению нового курса, позволили избежать открытой конфронтации, аналогичной 1920–1923 гг. Недовольство переросло в скрытое противостояние в крестьянско-казачьей среде, проявлявшееся в сопротивлении проводимому курсу реформ, выдвижении и поддержке своих кандидатов в Советы, требовании создания «крестьянского союза», «активном вхождении» крестьян во властные структуры. Российский хлебороб, оказав давление на власть и согласившись на компромиссные решения в отсутствие собственной политической партии, в очередной раз потерпел поражение. Реформы не смогли решить главных задач российского крестьянства, а именно: стимулировать производственную деятельность, расширить товарность индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства, решив лишь частично проблемы личного потребления.

Вопрос модернизации сельского хозяйства в южно-российских станицах, как и по всей стране, являлся не только вопросом экономическим, но и политическим. Здесь «расширение» нэпа усугублялось наличием противоречий между иногородней массой и казачеством, перераставшее в социально-имущественное противостояние. В регионе не было создано условий для расширения арендных отношений, кооперативного движения, эффективной налоговой политики, а командные методы управления и игнорирование рыночных механизмов со стороны партийно-государственного руководства изначально закладывали противоречия, которые привели к свертыванию очередного этапа реформирования советского общества. Политическая составляющая нэпа, связанная с оживлением деятельности Советов, могла стать альтернативой для вовлечения огромной массы хлеборобов в социалистические преобразования в деревне. Однако допустить подобный уровень политического плюрализма в жизни страны большевики не могли. В результате ограничительный характер проводимых реформ не обеспечил поддержки со стороны большей части хлеборобов, спровоцировав в последующем срыв модернизационных процессов и начало насильственной коллективизации. Политическая и экономическая составляющие периода 1924–1926 гг. не

⁴⁵ Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1926. С. 124.

⁴⁶ Бакшеев А.И. Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа. Красноярск, 2013. С. 5.

были реализованы в полном объеме и их незавершенность спровоцировала дальнейшее усиление административно-командных методов руководства страной и формирование политической монополии РКП(б).

Рукопись поступила: 24 сентября 2019 г.

Submitted: 24 September 2019

Библиографический список

- Баранов А.В.* Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. СПб.: Нестор, 1996. 354 с.
- Баранов А.В.* Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 3. С. 55–62.
- Баранов А.В.* Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 112–125.
- Бакшеев А.И.* Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. 345 с.
- Бухарин Н.И.* Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. М. Л.: Государственное издательство, 1927. 107 с.
- Венер М.* Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 86–107.
- Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов н/Д: Терра, 2005. 448 с.
- Воскобойников Г.Л., Батырев В.Д.* Советская власть и казачество (1921 – июнь 1941 гг.). М.: ООО Принт, 2003. 196 с.
- Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. М.: Фонд экономической книги «Начало», 1998. 154 с.
- Гольденгул И.А.* Земельные отношения на Кубани: Краткий очерк. Краснодар: Буревестник, 1924. 96 с.
- Горюнов П.* О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Новочеркасск: Агитпроп. отдел Донского комитета РКП(б), 1925. 32 с.
- Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 319 с.
- Донецкий М.* Донское казачество (Историко-публицистические очерки). Ростов н/Д: Севкавказ, 1926. 69 с.
- Дэй Р.Б.* Лев Троцкий и политика экономической изоляции. М.: «Дело» РАНХ и ГС, 2013. 473 с.
- Зубов А.Б.* История России. XX век. Эпоха сталинизма (1923–1953). М.: Э, 2016. 752 с.
- Янчевский Н.Л.* Как живет и чем болеет деревня (По материалам комиссии по обследованию деревни на Юго-Востоке). М.; Ростов н/Д: Прибой, 1924. 96 с.
- Каменев Л.Б.* Положение в стране и в партии. Доклад и заключительное слово на общем собрании Замоскворецкого района 6.12.1923 г. М.: Красная новь, 1923. 48 с.
- Кондратьев Ю.В.* Волостные реформы середины 1920-х годов (по материалам Калужской губернии). Материалы Международной научной конференции «Общество и власть в Императорской России, СССР и современной Российской Федерации». М.: МПГУ, 2018. 336 с.
- Кужба О.А.* Местные органы власти в 1925–1927 годах // НЭП: Завершающая стадия. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 160–172.
- Кукушкин Ю.С.* Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М.: Московский университет, 1963. 295 с.
- Ладоха Г.В.* Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар: Буревестник, 1923. 122 с.
- Мау В.А.* Государство и экономика: опыт экономических реформ. М.: Дело; РАНХ и ГС, 2017. 624 с.
- Осколков Е.Н.* Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (Очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств). Ростов н/Д: Ростовский университет, 1973. 304 с.
- Панкова-Козочкина Т.В.* Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск: Лик, 2014. 308 с.
- Перехов Я.А.* Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.). Ростов н/Д: Ростовский университет, 1966. 270 с.

- Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д: Гефест, 1997. 140 с.
- Саламатова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936). Новосибирск: НГУЭУ, 2016. 340 с.
- Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: Партийное издательство, 1933. 614 с.
- Скорик А.П. Донцы в 1920-х годах: очерки истории: монография. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. 244 с.
- Скорик А.П. Казаки Юга России и советская власть в 1917–1929 гг.: взаимоотношения в преддверии «великого перелома». Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 320 с.
- Тикиджьян Р.Г. Политика Советского государства «Лицом к деревне» и проблемы взаимоотношений казачества и иногороднего населения Дона в 1920-е годы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3. С. 46–50.
- Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией (1921–1925 гг.). Л.: Ленинградский университет, 1969. 288 с.
- Устиновский И.В. Ленинская аграрная программа и ее осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917–1927 гг.). Ростов н/Д: Ростовский университет, 1989. 184 с.
- Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М.: «Россия молодая», 1994. 186 с.
- Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д: Ростовский университет, 1987. 232 с.
- Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб.: Российская академия наук, Институт российской истории, 1997. 399 с.
- Шмелев, Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.: Наука, 2000. 255 с.

References

- Baranov, A.V. “Trends in Civil Reconciliation in the Political Reforms of “Enlargement” 1924–1926 in the south of Russia.” *Scientific Thought of Caucasus*, no. 3 (2013): 55–62 (in Russian).
- Baranov, A.V. *Sotsial'noye i politicheskoye razvitiye Severnogo Kavkaza v usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki*. St. Petersburg: Nestor Publ., 1996 (in Russian).
- Baranov, A.V. “The Political Mood of the Peasantry in the Cossack Regions of Southern Russia during the NEP “Extension”, 1924–1926 (on the Basis of OGPU Information Digests).” *Modern History of Russia*, no. 3 (2013): 112–125 (in Russian).
- Baksheyev, A.I. *Problemy sovetskoj gosudarstvennosti v Sibiri perioda NEPa*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2013 (in Russian).
- Bukharin, N.I. *Put' k sotsializmu i raboche-krest'yanskiy soyuz*. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ., 1927 (in Russian).
- Chernopitskiy, P.G. *Derevnya Severokavkazskogo kraja v 1920–1929 gg*. Rostov n/D: Rostov University Publ., 1987 (in Russian).
- Danilov, V.P. *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naseleniye, zemlepol'zovaniye, khozyaystvo*. Moscow: Nauka Publ., 1977 (in Russian).
- Donetskiy, M. *Donskoye kazachestvo (Istoriko-publitsisticheskiye ocherki)*. Rostov n/D: Sevkavkniga Publ., 1926 (in Russian).
- Dey, R.B. *Lev Trotskiy i politika ekonomicheskoy izolyatsii*. Moscow: Delo Publ., RANKH i GS Publ., 2013 (in Russian).
- Goland, Yu.M. *Krizisy, razrushivshiy NEP. Valyutnoye regulirovaniye v period NEPa*. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala» Publ., 1998 (in Russian).
- Gol'dentul, I.A. *Zemel'nyye otnosheniya na Kubani: Kratkiy ocherk*. Krasnodar: Burevestnik Publ., 1924 (in Russian).
- Goryunov, P. *O kazach'yem voprose (Iz nablyudeniy i opyta raboty po Yeyskomu rayonu Donskogo okruga)*. Novochoerkassk: Agitprop. otdel Donskogo komiteta RKP(b) Publ., 1925 (in Russian).
- Kamenev, L.B. *Polozheniye v strane i v partii. Doklad i zaklyuchitel'noye slovo na obshchem sobranii Zamoskvoretskogo rayona 6.12.1923 g*. Moscow: Krasnaya nov' Publ., 1923 (in Russian).
- Kondrat'yev, Yu.V. *Volostnyye reform y serediny 1920-kh godov (po materialam Kaluzhskoy gubernii). Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Obshchestvo i vlast' v Imperatorskoy Rossii, SSSR i sovremennoy Rossiyskoy Federatsii”*. Moscow: MPGU Publ., 2018 (in Russian).
- Kuzhba, O.A. “Mestnyye organy vlasti v 1925–1927 godakh.” In *NEP: Zavershayushchaya stadiya*, 160–172. Moscow: IRI RAN Publ., 1998 (in Russian).

- Kukushkin, Yu.S. *Sel'skiye Sovety i klassovaya bor'ba v derevne (1921–1932 gg.)*. Moscow: University of Moscow Publ., 1963 (in Russian).
- Ladokha, G.V. *Ocherki grazhdanskoj bor'by na Kubani*. Krasnodar: Burevestnik Publ., 1923 (in Russian).
- Mau, V.A. *Gosudarstvo i ekonomika: opyt ekonomicheskikh reform*. Moscow: Delo Publ.; RANKH i GS Publ., 2017 (in Russian).
- Oskolkov, Ye.N. *Pobeda kolkhoznogo stroya v zernovykh rayonakh Severnogo Kavkaza (Ocherki istorii partiynogo rukovodstva kollektivizatsiyey krest'yanskikh i kazach'ikh khozyaystv)*. Rostov n/D: Rostov University Publ., 1973 (in Russian).
- Pankova-Kozochkina, T.V. *Kazach'ye-krest'yanskoye samoupravleniye epokhi nepa: problemy modernizatsii vlastnykh otnocheniy na Yuge Rossii v 1920-ye gody*. Novocherkassk: Lik Publ., 2014 (in Russian).
- Perekhov, Ya.A. *Politika Kommunisticheskoy partii po vovlecheniyu kazachestva Dona i Kubani v sotsialisticheskoye stroitel'stvo (1920–1925 gg.)*. Rostov n/D: Rostov University Publ., 1966 (in Russian).
- Perekhov, Ya.A. *Vlast' i kazachestvo: poisk soglasiya (1920–1926 gg.)*. Rostov n/D: Gefest Publ., 1997 (in Russian).
- Salamatova, M.S. *Vybory v Sovetskoy Rossi: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii (1918–1936)*. Novosibirsk: NGUEU Publ., 2016 (in Russian).
- Shishkin, V.A. *Vlast'. Politika. Ekonomika: Poslerevoljutsionnaya Rossiya (1917–1928 gg.)*. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences Publ., Institute of Russian History Publ., 1997 (in Russian).
- Shmelev, G.I. *Agrarnaya politika i agrarnyye otnosheniya v Rossii v XX veke*. Moscow: Nauka Publ., 2000 (in Russian).
- Skorik, A.P. *Dontsy v 1920-kh godakh: ocherki istorii: monografiya*. Rostov n/D: SKNTS VSH YUFU Publ., 2010 (in Russian).
- Skorik, A.P. *Kazaki Yuga Rossii i sovetskaya vlast' v 1917–1929 gg.: vzaimootnosheniya v preddverii "velikogo pereloma". Kazachestvo Rossii: proshloye i nastoyashcheye*. Rostov n/D: YUNTS RAN Publ., 2010 (in Russian).
- Stalin, I.V. *Voprosy leninizma*. Moscow: Partiynoye izdatel'stvo Publ., 1933 (in Russian).
- Tsakunov, S.V. *V labirinte doktriny. Iz opyta razrabotki ekonomicheskogo kursa strany v 1920-ye gody*. Moscow: Rossiya molodaya Publ., 1994 (in Russian).
- Tikidzh'yan, R.G. "The policy of the Soviet state 'Face to the village' and the relationship between the Cossacks and the non-resident population of the Don in the 1920s." *University News. North-Caucasian Region. Social Sciences*, no. 3 (2011): 46–50 (in Russian).
- Trifonov, I.Ya. *Klassy i klassovaya bor'ba v SSSR v nachale NEPa. Bor'ba s vooruzhonnoy kulatskoy kontrrevolyutsiyey (1921–1925 gg.)*. Leningrad: Leningrad University Publ., 1969 (in Russian).
- Ustinovskiy, I.V. *Leninskaya agrarnaya programma i yeyo osushchestvleniye na Severnom Kavkaze (oktyabr' 1917–1927 gg.)*. Rostov n/D: Rostov University Publ., 1989 (in Russian).
- Vener, M. "Litsom k derevne: Sovetskaya vlast' i krest'yanskiy vopros (1924–1925 gg.)." *Otechestvennaya istoriya*, no. 5 (1993): 86–107 (in Russian).
- Vodolatskiy, V.P., Skorik, A.P., and Tikidzh'yan, R.G. *Kazachiy Don: ocherki istorii i kul'tury*. Rostov n/D: Terra Publ., 2005 (in Russian).
- Voskoboynikov, G.L., and Batyrev, V.D. *Sovetskaya vlast' i kazachestvo (1921 – iyun' 1941 gg.)*. Moscow: OOO Print Publ., 2003 (in Russian).
- Yanchevskiy, N.L. *Kak zhivot i chem boleyet derevnya (Po materialam komissii po obsledovaniyu derevni na Yugo-Vostoke)*. Moscow; Rostov n/D: Priboy Publ., 1924 (in Russian).
- Zubov, A.B. *Istoriya Rossii XX vek. Epokha stalinizma (1923–1953)*. Moscow: «Е» Publ., 2016 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Яхтуль Юрий Асланбеич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета.

Yuri A. Yakhutl, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor of the Department of Russian History, Kuban State University.

Касьянов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета.

Valery V. Kasyanov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Doktor Sotsiologicheskikh Nauk [Dr. habil. soc.], Professor, Head of the Department of Russian History, Kuban State University.